

Предупреждение

Следует иметь в виду, что география и история мира, описанного в данной книге, антинаучны. Все имена и географические названия случайны и антиисторичны. Все совпадения с реальными историческими личностями и подлинной историей человечества случайны, а магии не существует.

Один человек, овдовев, женился снова. У него была дочка — молодая девушка.

Шарль Перро (Неизвестный переводчик)

Жил-был один почтенный и знатный человек. Первая жена его умерла, и он женился во второй раз, да на такой сварливой и высокомерной женщине, какой свет еще не видывал. У нее были две дочери, очень похожие на свою матушку и лицом, и умом, и характером. У мужа тоже была дочка, добрая, приветливая, милая — вся в покойную мать. А мать ее была женщина самая красивая и добрая.

Шарль Перро (пересказала Т. Габбе)

Жил-был на краю леса дровосек. Жена у него умерла, и остался он один с маленькой дочкой. Жену и дочку он любил, но по прошествии времени женился вновь на женщине, у которой уже было две своих дочери. Три факта, да и те вранье. Во-первых, не дровосек, а лесник. И даже не просто лесник, а вовсе даже вальдмейстер — си-речь хранитель королевских лесов. Жена вальдмейстера действительно умерла, но смерть ее наступила от ран, нанесенных мизерикордом — трехгранным рыцарским кинжалом. Убийцу, впрочем, не нашли. Грешили на самого господина лесничего, но королевское дознание постановило, что жена вальдмейстера стала жертвой ограбления. Как бы то ни было, жену лесничий не любил, а дочь тихо ненавидел.

Источник неизвестен

Глава I
БЕДНАЯ СИРОТКА

1

Утро началось плохо, что было, впрочем, вполне ожидаемо. Вечером в королевском замке должен состояться бал, и, значит, с раннего утра в доме барона Геммы дым коромыслом, бестолковщина и содом. Служанки носятся как угорелые, хлопочут камеристки, а челядь мужского пола — камердинер отца, комнатные лакеи и дворня — стараются не попадаться женщинам на глаза и, не дай бог, не заступить дорогу хозяйке и ее дочерям. И ведь это только начало. Часам к десяти начнут съезжаться модистки, портные и белошвейки, шляпники и перчаточники. И все это не считая сапожников, которые привезут шелковые туфли для мачехи и сводных сестер и парадные сапоги для отца, и ювелиров, ведь по случаю большого осеннего бала дамам нужны новые украшения. В общем, как показывал опыт, скоро в доме станет тесно, нервно и слишком шумно, не говоря уже о том, что попросту горько и обидно. Видеть, как другие собираются на бал, на который тебе не позволят взглянуть даже одним глазком, досадно и унизительно. И привыкнуть к этому нельзя,

сколько себя ни уговаривай. Однако все так и обстоит: неродные дочери барона на бал пойдут, а родная — нет. И вот что особенно обидно. Никто этому не удивляется, ни король, ни знать. Словно никому в столице не известно, что у Корнелиуса Геммы три дочери. Одна родная и две — падчерицы. Знают, не могут не знать, но все равно молчат, как будто так и следует. А все потому, что никому до бедной сиротки нет дела. И после всего этого сидеть с ними за одним столом? Слушать, как они обсуждают, что наденут на бал и кого ожидают там встретить? Нет уж, увольте!

Герда не стала ждать, когда подадут завтрак, а наскоро перехватив на кухне стакан парного молока и краюху свежеиспеченного белого хлеба, тихой мышкой выскользнула из дома и отправилась гулять. Можно было не сомневаться, что никто ее не хватится. Скорее всего, в поднявшейся суматохе домочадцы просто не заметят ее отсутствия, как не замечали все эти годы, но даже если вдруг обнаружат, что с того? Она им не нужна, они ей тоже. Каждый в этом доме сам по себе, и в большинстве случаев Герду это устраивает: раз *неродная*, так лучше без крайностей. Других сироток, как она слышала, мачехи держат в черном теле или, напротив, приближают к своим детям, но никогда не позволяют встать с ними вровень.

В этом смысле положение Герды было практически идеальным. Отец ее ненавидел, но из дому не гнал. Мачеха не любила, но не тиранила, а сводные сестры — старшая Элла и младшая Адель — попросту не замечали. Так что, как ни посмотри, грех жа-

ловаться. Чужая, она тем не менее жила в доме не как «принеси, подай» и не «Христа ради». Ее одевали скромно, но не без намека на знатное происхождение: немного кружев, вышивка, серебряные застёжки и перламутровые пуговицы. У нее была своя довольно хорошая комната, и ела она за общим столом. Исключение составляли званые приемы. Когда в доме вальдмейстера¹ Корнелиуса Геммы появлялись гости, Герда к столу не выходила. В такие дни она вообще не покидала верхний этаж дома, где кроме нее жили старенький библиотекарь мэтр Бергт, личный секретарь отца господин Рёмер и гувернантка сводных сестер мадемуазель Лемуазье. Впрочем, это продолжалось только до тех пор, пока Герда не подросла. Лет в двенадцать она в первый раз без спроса покинула дом. Опыт оказался скорее положительным, чем наоборот, если не считать того прискорбного факта, что в тот первый раз ее чуть не изнасиловали. Но бог миловал, на темной улице появилась ночная стража, и насильник предпочел за лучшее сбежать. Впрочем, страхи и опасения Герду не остановили. С того памятного дня она уходила из дому не только тогда, когда к отцу приезжали гости, но и во все прочие дни, если таково было ее желание. Однако дома ее ничего не держало, и желание уйти погулять никогда не проходило.

Впрочем, о том, что она часто и, разумеется, без спроса уходит из дому, домочадцы — и хозяева, и слуги — наверняка знали, но никто в ее жизнь

¹ *Вальдмейстер* — в данном случае придворная должность — хранитель королевских лесов.

не вмешивался. Всем было попросту наплевать. Поначалу это смущало Герду и даже ставило в тупик. Она долго не понимала, что к чему, — ведь вроде бы это хорошо, что ей предоставлена полная свобода, — а потом до нее дошло. Ее репутация, как, впрочем, и жизнь, никого по большому счету не волновали. Иди куда хочешь, делай что захочется. И вот сегодня ей захотелось пойти на бал в королевском замке, и она даже знала, как это сделать. Но праздник должен был состояться только вечером, а до тех пор Герде предстояло провести почти целый день на улице.

Особняк барона Геммы стоял почти посередине Липовой аллеи — широкой, обсаженной старыми деревьями улицы, одним концом выходявшей на Гильдейскую площадь, а другим — на Королевскую милю. Был соблазн пойти именно туда, чтобы в очередной раз полюбоваться на замок на горе, но по здравом размышлении Герда направилась в Столярный переулок. Прошла до конца Липовой аллеи, пересекла Гильдейскую площадь и оказалась на Белом конце. Пробежалась мимо мастерских белошвеек, любовалась нарядными платьями в ателье госпожи Бриаль и, обойдя Старый собор, который перегораживал улицу, вышла наконец к Столярному переулку. Здесь располагались мастерские столяров и краснодеревщиков, но Герда шла не к ним, а к старику Эггеру, жившему на другом конце переулка.

Эггер, как заведено, уже что-то выстругивал в своей мастерской. Он не был ни белодеревщиком, ни мебельщиком, хотя тоже работал по де-

реву. Старик Эггер делал великолепные скрипки и виолы и был достаточно знаменит, чтобы получать заказы не только от известных музыкантов, но и от титулованных дворян. Герда познакомилась с ним случайно, когда искала убежище от внезапно обрушившегося на город ливня, и с тех пор была в его доме практически своей. Прибиралась, выметая стружки и смывая с пола и столов пятна лака, варила старику суп или просто болтала с ним обо всем на свете.

— Привет! — сказала она, входя в мастерскую. — Ты как? Как твоя поясница?

— Поясница болит, — улыбнулся старик, — но дела мои обстоят скорее хорошо, чем плохо. Смотри, какую красавицу я сделал для графа Юэ!

Скрипка и в самом деле была изысканно красива, аристократически изящна и сияла невероятным алым лаком.

— Красавица! — признала Герда. — А как звучит?

— А вот натянем струны и узнаем.

— Сварить тебе пока суп?

— Сегодня не надо, — отмахнулся Эггер. — Лучше сыграй что-нибудь классическое!

— Как скажешь, старик! — засмеялась Герда и пошла к спинету¹, который по прихоти хозяина стоял не в жилой части дома, а в мастерской.

Эггер был скрипичным мастером, но играть Герду на клавесине научил именно он.

¹ *Спинет* — небольшой домашний клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

— Вивальди? — спросила она, усаживаясь за инструмент. — Концерт ля-мажор, вторая часть? Или «Бабочки» Куперена?

— На твое усмотрение.

На свое усмотрение Герда выбрала «Хроматическую фантазию» Баха и, пока играла, как часто случалось с ней и раньше, забыла обо всем на свете. Вернее, ушла от повседневности в мир грез, где возможно даже невозможное...

...За обедом она все время злилась. И домочадцы, как сговорились, не переставали ее бесить. В говяжьей похлебке не хватало перца и шафрана, о чем Герда вежливо сказала слуге, разливавшему суп. Но за повара вступилась Элла, которую тут же поддержал отец. Все они утверждали, что похлебка получилась просто замечательная и что перца и шафрана в нее положено в меру. Герда не стала спорить, поскольку привыкла не связываться, но, когда еще и хлеб оказался черствым, она не смолчала. Однако сделала этим только хуже. Адель заметила, что некоторые изображают из себя знатных дам, хотя живут в доме из жалости. Герда вспыхнула, но вовремя взяла себя в руки.

«Глупость какая, — подумала она в раздражении. — Еще скажите, что я не знала этого раньше!»

Между тем обстановка за столом накалялась — бестактные замечания сводных сестер, холодный взгляд мачехи, презрительная усмешка отца — и в конце концов стала настолько невыносимой, что захотелось встать и уйти, но правила приличия сделать этого не позволяли. Герда осталась си-

деть за столом, но только для того, чтобы ее снова унизили, теперь уже при разделке жаркого. Она выбрала себе взглядом аппетитный кусок, который по всем расчетам должен был достаться именно ей, но получила вместо него какой-то жалкий обрезок. И тогда ее охватил гнев. Рассудок уступил место чувствам, и, схватив с блюда разделочный нож, Герда полоснула им мачеху по горлу. Никто не успел и слова сказать, а Герда была уже рядом с отцом. Барон мог бы оказать ей сопротивление, но Герда была стремительна и не оставила ему ни единого шанса... Затем был зарезан заступивший ей дорогу слуга, а две замершие от ужаса «сестрицы» словно сами просили пресечь их никчемное существование.

А потом все кончилось, и Герда с любопытством осмотрела дело своих рук. Картина резни оказалась поистине ужасна: разгромленный стол, кровь, много крови, и мертвые тела... Но вот что любопытно. Она не испугалась. Напротив, внезапно Герда ощутила, как на нее нисходят покой и умиротворение.

«Какое счастье! — думала она, глядя на устроенную ею бойню. — И как это я раньше об этом не подумала! Давно надо было их всех убить...»

Увы, это был только сон. Музыка закончилась, и Герда очнулась от грез.

— Сегодня ты играла необыкновенно хорошо, — похвалил ее старик. — И у тебя, деточка, было такое одухотворенное лицо, что я чуть было не пустил слезу...

«Знал бы ты, Эггер, о чем я грезила на самом деле!»

* * *

К обеду она все-таки вернулась домой. Правила следует соблюдать, тем более что она все еще является несовершеннолетней дочерью барона Корнелиуса Геммы — человека жесткого, иногда жестокого, но готового предоставить ей невероятную для девушки ее возраста и положения свободу, лишь бы она играла по правилам. Герда старалась, она знала, что такое играть по нотам, — нотным знакам ее обучил все тот же старик Эггер, — как, впрочем, знала она и то, что такое импровизация. Поэтому ей до сих пор удавалось довольно ловко сочетать одно с другим, оставаясь в рамках приличий и в то же время творя все, что в голову взбредет.

Обед прошел спокойно. Без ужасов и кровопролития. И вскоре Герда снова обрела свободу идти, куда хочется, и делать все, что заблагорассудится. На этот раз она выбрала Игровое поле. Там, под западной стеной королевского замка, в это время обычно упражнялись солдаты гарнизона, но сегодня бились на мечах исключительно гвардейцы. Те, кто помоложе, знали Герду давно, звали по имени и даже немного с ней флиртовали, но никогда не переходили черты. А Герда любила смотреть, как они стреляют из луков и арбалетов или тренируются в искусстве мечников. Она бы и сама с удовольствием поучилась чему-нибудь эдакому, но, увы, ей совершенно естественно не хватало для этого сил. Она никак не могла натянуть лук, взвести арбалет или поднять меч. Однако ей нравилось смотреть, как дерутся другие. Иногда Герда могла даже вообразить, что это она сама машет до ужаса

тяжелым и восхитительно опасным куском железа. Увлекательное зрелище и переживания волнующие. Так что время пролетело незаметно, и она ушла с Игрового поля только тогда, когда начало смеркаться.

Наступил вечер, настало время волшебства. Время магии, чудесных превращений и колдовских чар. Но метаморфозы, как известно, не случаются сразу вдруг. Их надо тщательно подготовить и умело претворить в жизнь. Однако Герда не была ни колдуньей, ни ведьмой, и у нее, увы, не было крестной феи. Впрочем, Герда превращалась не в первый раз, а опыт — хороший проводник даже в темном лесу. Суть же ее чар была невероятно проста. Если сменить скромное девичье платье на хорошо сшитый наряд взрослой дамы, спрятать косу, надев шляпу с вуалью — или попросту заплести ее на взрослый манер, — встать на высокие каблуки, набросить на плечи шелковый плащ, тебя никто нипочем не узнает. Выдать может только лицо, но и с этой проблемой легко управиться, если наложить правильный грим...

2

Уйдя с Игрового поля, Герда отправилась в сторону Старого рынка. Добраться туда можно было двумя путями — коротким, идя напрямик, или длинным, через центральную часть города. Герда выбрала короткий, потому что не любила много таскаться пешком. Тем более, по мощенным булыжником улицам. Но у короткого пути